

КОМАНДИРОВКА

Лирический конспект
с отступлениями и примечаниями

*Вот вам конспект лирической поэмы:
Песочек. Отмель возле глубины...
Владимир Соколов*

*И медленных огней пустынных станций
Встречать и провожать бездомный свет...
Б.Н.*

Однажды я увидел: налегке
В густой тени двенадцатиэтажки
Стоял прохожий в клетчатой рубашке,
С карманным круглым зеркальцем в руке.
Он хмурил брови, цокал языком,
Редеющие волосы курчавил
И, как бы в нарушение общих правил,
Казался сам с собою незнаком.
Эпохою не признанный двойник,
Безликий сумасшедший из массовки, -
Привычно бестолковый и неловкий,
Кого напоминал он в этот миг?
Актер с лицом могильщика? Суфлер,
Текст превративший в модной мелодраме?
Иль белый клоун с грустными глазами,
Презренный вами с некоторых пор?
Бог ведает...

Нам сызмала даны
Чужие роли, как чужие платья.
Осталось, подобрав себе распятыя,
Сначала - подсмотреть чужие сны,
Потом - отрепетировать слова,
А следом - анонсировать поступки,
И наконец впитать, подобно губке,
Все то,

о чем бессонная листва
В чужих ночах шумит не умолкая,

Как там, за горизонтом, ширь морская...

Судьба опять начнется не с начала,
И я начну повествование там,
Где все еще клубится гул вокзала
И все еще садятся по местам.
Баулы, саквояжи, чемоданы
Загромоздили тамбур и проход,
И вот сигнал – желанный... нежеланный...
И не понять, назад или вперед
Готов рвануться скорый этот поезд,
Какая память и какая ночь
В соавторстве продолжают эту повесть
И что в конце концов отбросят прочь,
А что уберегут... На верхней полке
Он, безымянный, смотрит в темноту.
А ночи так неумолимо долги,
И не шагнуть за некую черту -
В иную жизнь...

...Состав *Москва - София*...

Сырой перрон, встречающий рассвет...
Они - в одном купе, и жить - впервые,
Когда тебе всего лишь двадцать лет.
За окнами - луга и перелески,
Холмы и балки, степи и поля...
Они следят, раздвинув занавески,
Как им навстречу рвется их земля.
Но вот уже ночного Кишинева
Огни остались где-то за спиной,
И ближе, ближе, ближе *vita nova*,
Таможня, а за нею - мир иной.
И с тем, родным, не отыскать подобий,
Никто не оторвется от окна:
Чем дальше отъезжают, тем особой
Им видится чужая сторона.
А присмотреться - так одно и то же:
И в этом стане *вольного труда*
Заброшенные пашни, бездорожье,
На пыльных склонах тощие стада -

Не Божья милость и не мудрость Божья,
А лишь пятиконечная звезда¹.

Они еще друг другу не сказали
Ни слова друг о друге, но, пока
Их держат в Бухаресте на вокзале,
Впервые руку тронула рука,
И снова, снова, снова этот скорый,
То набирая, то сбавляя ход,
Не слыша их слепые разговоры,
По медленной Румынии идет.

Но вот она - последняя граница!
И наконец на два десятка дней
Мечтавшееся обещает сбыться.
И краем глаза он следит *за ней*,
За ней...

и он очнулся. Тьма ночная,
Глухой фонарь - наверное, разъезд.
Нет, станция. Название - Лесная,
Хоть не видать ни деревца окрест.

Немало на Руси подобных мест.

Хоть издавна лирическая повесть
Предполагает образ двойника,
Герой, со мною загодя условясь,
Открещивается от дневника.
Быть может, полудетские тетради
Пылятся в нижнем ящике стола,
Но подлинная исповедь - некстати,
Пока душа - поверх добра и зла.
Следы его существованья жалки
И суетней рисунка на песке:
Вот, шестилетний, на коне-качалке
Он мчится с красным знаменем в руке;
Вот на макушке новогодней елки
Он закрепляет алую звезду;
Вот пишет сочинение - о долге

Себя готовить к мирному труду...
Лишь хриплое дыхание и голос,
Записанные двадцать лет назад,
О том, что в нем томилось и боролось,
Действительное нечто говорят:

*Прощанье превратив в прощенье,
Холодный пот смахну со лба,
При аварийном освещенье
Развертывается судьба...*

И нынче этой лампочки вагонной
Мерцание в дыму от сигарет
Ему напоминает отдаленно
Бомбоубежищ аварийный свет.

“Судьба должна начаться с середины”, -
Подумал он. И мысль ушла во тьму...
Но времена - едины, так едины,
Что не разъединить их никому,
Так сомкнуты они, что малой щелки
Ты не найдешь меж *завтра* и *вчера*
И так же, как герой на верхней полке,
Глаз не сомкнешь до самого утра.

А где-то за стеной, в купе соседнем, -
Бессонница. И приглушенный гам
Всем опытом ночным, тысячелетним
Подобен чужеземным языкам.
Не может быть чужих ролей у слова,
Когда оно на правде возросло,
И в каждом звуке языка чужого
Сквозит почти семейное тепло:
Море', небе', и ко'ща, и прозо'рец²...
В передраассветной дымке голубой,
С песчаной кромкой то мирясь, то ссорясь,
Читает по-славянски им прибой.

Болгария... и ныне здесь не диво
Увидеть на развилке городском,
Как вислоухий ослик молчаливо

Поклажу тянет и косит зрачком,
Как на закате, ясном с полуслова,
Свисая из-за каменных оград,
Просвечивает ало и лилово
Таинственный античный виноград.

Какое имя дам я героине?
Сообразуясь с правдою, оно
Посверкивает в предвечерней сини
И с проблеском зари породнено,
Оно не покоряется соблазнам
Навязывать значения извне
Своим крылатым гласным и согласным,
И волны моря – у него в родне,
И кажется, что им листва томится,
Что грезит им предгрозовой простор,
Оно сквозит в исписанной странице...
И в памяти не гаснут до сих пор
Ни руки, обнаженные по локоть,
Ни под косынкой вольная копна...

И сердце, не умеющее екатъ,
Зашлось... И это все - она, она!
И поздний август, пристальный и жаркий,
Над морем чайка, синь и тишина,
И сувенир на память, и подарки
Домашним... И опять - она, она,
Опять - она...

И ночь. И рокот моря,
Рванувшись, переходит в гул колес.
И в нашем ненадежном, злом просторе
Ночь кажется ослепшею от слез.

*Родина! Невыносимы твои соловьи,
Ночью гремящие впроголодь в мокром овраге,
Невыносимы багровые розы твои,
Кровоточащие, точно лицо после драки.*

В поэзии российской одиноко

Без песен про тюрьму и про суму...
Железный век, железная дорога
Не существуют в ней по одному.
В письме Всея Руси императрицы
Железным век был назван в первый раз
И послужил, как ныне говорится,
Фундаментом железных дел и фраз.
А там - от Боратынского до Блока
И далее, до нынешнего дня, -
Железный век, железная дорога
По самой сути кровная родня.

Корреспондент, он едет разбираться
По жалобе
 в районный городок,
Где знать не знают пышных декораций,
Эффектных сцен,
 пружин и подоплек.
Там скорые стоят по полминуты.
И он прибудет около семи
Туда, в забытый Богом почему-то
И все-таки - не брошенный людьми:

С единственным почтовым отделеньем,
С единственной баней, но зато
С забронзовевшим в сумраке осеннем
Ульяновым в негреющем пальто...

*А в памяти его крылатой –
Багряный парусник заката
На сизо-матовой реке.
Десятилетние ребята,
В таком же самом городке
Они рыбачат. Вдалеке
Дымится костерок. И тайна
Преображает каждый звук.
В часы такие не случайно
Ничто, ничто, ничто вокруг:
Ни перевернутая лодка,*

*Ни полусгнившие мостки,
Ни ива, свесившая кротко
Седую прядь в затон Оки.
Он видит как бы на экране:
Вот подсекает, и уже
Неведомая жизнь - на грани,
На волоске, на рубеже,
На том последнем перегоне,
Когда, доступностью страха,
Дрожит и бьется на ладони
Чужая близкая душа...*

Конверт помятый в боковом кармане,
А там, на разлинеенном листе,
Такая же мольба о пониманье,
Как будто о последней правоте.
Какая полоумная старуха,
Пытаясь одолеть свою тоску,
Программу «Время» слушала вполуха
И выводила за строкой строку?
*“Обмен дозволен был в обход закона
И в нарушение гражданских прав,
А потому, что зампредисполкома
Ему родня... а сам - нашелся граф -
Отгрохал особняк...”*

И что же дальше,
Коль надвое судьба рассечена,

И правде не избавиться от фальши,
И без любви не истинна вина,
И красоте не выжить без уродства?
Как быть, когда и жизни естество -
Обмен ролями с целью превосходства
Над ближними и больше ничего?
И две души, как два состава встречных,
Лишь на одно из двух обречены:
Иль разминуться в далях бесконечных
Необозримой северной страны,
Иль насмерть расшибиться друг о друга

И прыгнуть ввысь - до звезд и облаков?
И жизнь подобна грому виадука
Отныне до скончания веков?

*Родина, слышишь: вниз головой с ветвей
Листья летят и гибнут в ночи осенней
И никому из преданных сыновей
Не обещают будущих воскресений...*

В межвременье, в ничейной полосе, -
Один устав, одно установление:
Существовать, как существуют все.
И так - из поколения в поколение -
От деда внуку, сыну от отца
Передавалась, как веленье эры,
Слепая нелюбовь к чертам лица.
Но если нет лица, то нет и веры.
Так слышал он под пение колес
И рокот ливня на басовой ноте...
Когда в чужую роль войдешь всерьез,
Забудешь о своей в конечном счете.

...Канун отъезда. Свежее тепло
Прощально веет в солнечной столице.
Тогда-то, бегу времени назло,
Он предложил с бессмертьем породниться.
И пущен в дело фотоаппарат,
И все, томясь в мучительном восторге,
У памятника вытянулись в ряд³.
Кто их тогда снимал: Андрей? Георгий?
То было двадцать лет тому назад.
Но давний этот снимок лишь вчера
Доставлен заказною бандеролью,
И оказалось, хоть прошла пора:
Чужая роль болит своею болью.
На фоне тех двоих, кто их земле
Доверил чудо явленного Слова,-
Не зная толком о добре и зле,
Они стоят, к бессмертию готовы:

Она - вторая справа, он - левей,
Дрожат на лицах солнечные пятна,
И тени двух софийских тополей
Им на руки ложатся предзакатно.
Остановись, мгновенье! Ну, смелей!
И вдруг - непоправимо, необъятно -
Ее слова, что из чужих ролей
Никто не возвращается обратно.

Железная дорога, век железный,
Екатерининские парики...
Но, знаешь, приоткрывшиеся бездны
От нас уже и впрямь не далеки.
Уже в молчанье грозном и глубоком
Бунт вызревает, словно диалог
Секретаря императрицы - с Богом
О том, кто царь, и раб, и червь, и бог⁴.

И жизнь уже пошла вне всяких правил,
Вне всяких обязательств и опор,
Как будто драму этой жизни ставил
Юнец, недоучившийся суфлер.
И пусть потом определит историк,
Потом - спустя столетье или два,
Каких таких грамматик и риторик
В нас были перемолоты слова,
Какую пыль, давясь, с тобой глотали,
Чей по ветру развеивали прах,
Какие слезы тайно остывали
На наших плотно стиснутых губах.

*Родина! Вера моя солона от слез...
Сколько же раз принимал я мираж за оазис...*

И снова ночь, как встречный, пролетела...
И вот уже ему пора вставать,
Пора белье постельное сдавать,
Разогревать немолодое тело,

Потом - стоять у стылого окна,
Курить, смотреть на дремлющие села
И ждать, когда ущербная луна
Дотает, как таблетка валидола.
А через час он выйдет на перрон,
Чему-то улыбнется напоследок,
Услышит голошение ворон
Над нищетою тополиных веток,
По мокрым шпалам, по листве сырой,
По тротуару, вдоль песчаной бровки
Пойдет, родства не знающий, герой
Поэмы без начала и концовки.
И, бормоча заезженный мотив
Из песенки о кораблекрушенье,
В овальной луже, как на негатив,
Наткнется на свое же отраженье.

Примечания

1. Пятиконечная звезда – один из древнейших магических символов человека.
2. В современном болгарском языке *коща* (точнее, *къща*) означает *дом, прозорец – окно*. Как полагает автор, первые два слова в комментариях не нуждаются.
3. Имеется в виду памятник Кириллу и Мефодию в центре болгарской столицы.
4. Искаженная цитата из оды Гавриила Державина «Бог».